

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ МНОГОСТОРОННИХ ДОГОВОРОВ.

Анваров Демидали Тахир угли

студент 3 курса факультета «Международного права и
сравнительного правоведения» Ташкентского государственного
юридического университета

e-mail: anvarovdemirali@gmail.com

<https://doi.org/10.5281/zenodo.21552589>

ARTICLE INFO

Qabul qilindi: 21-iyul 2026 yil

Ma'qullandi: 23-iyul 2026 yil

Nashr qilindi: 25-iyul 2026 yil

KEYWORDS

международный
многосторонний договор, право
международных договоров,
Венская конвенция о праве
международных договоров,
консенсус, оговорки к
международным договорам,
ратификация, вступление в
силу, кодификация
международного права,
Комиссия международного
права ООН, фрагментация
международного права.

ABSTRACT

в статье через призму реальных, максимально недавних дипломатических событий 2023–2026 годов анализируются современные проблемы заключения международных многосторонних договоров. Автор последовательно рассматривает договорный процесс как единый, стадийный механизм — от формирования переговорного мандата до вступления договора в силу и присоединения к нему оговорок, — и на каждой стадии показывает, где именно классическая модель Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года вступает в противоречие с практикой современной многосторонней дипломатии. На примерах провала переговоров по глобальному договору о пластиковом загрязнении (INC-5.2, Женева, 2025 г.), длительного (около двух десятилетий) согласования и последующего медленного вступления в силу Соглашения по биоразнообразию за пределами национальной юрисдикции (BBNJ, 2023–2026 гг.), а также принятия Пандемического соглашения ВОЗ (2025 г.) автор формулирует и обосновывает собственную позицию относительно кризиса консенсусной модели принятия решений, проблемы «спящих» договоров и института оговорок применительно к «рамочным» соглашениям с отложенным нормативным содержанием. По итогам анализа предлагается авторская модель совершенствования процедуры заключения многосторонних договоров.

Введение

Я приступаю к настоящему исследованию с одного простого наблюдения, которое, как мне представляется, редко проговаривается прямо в отечественной науке международного права: право международных многосторонних договоров сегодня

переживает не эволюционное, а структурное напряжение. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 года [2] (далее — Венская конвенция, ВКПМД), которую справедливо называют «договором о договорах», создавалась в эпоху, когда Организация Объединённых Наций насчитывала немногим более сотни государств-членов, а многосторонние переговоры по своей сложности не шли ни в какое сравнение с современными процессами, объединяющими полторы-две сотни делегаций, десятки международных организаций-наблюдателей и сотни неправительственных структур. Формально Венская конвенция остаётся действующей и признанной моделью; фактически же, как я постараюсь показать на конкретных, самых недавних примерах, каждая стадия классического договорного процесса — от формирования переговорного мандата до вступления соглашения в силу — сегодня испытывает нагрузку, на которую составители Конвенции 1969 года попросту не рассчитывали.

Актуальность темы обусловлена не только теоретическими соображениями, но и практикой последних лет. За период 2023–2026 годов международное сообщество стало свидетелем сразу трёх показательных сюжетов многосторонней договорной практики: успешного, но крайне длительного согласования Соглашения по биологическому разнообразию за пределами национальной юрисдикции (BBNJ Agreement, известного также как «Договор об открытом море»); откровенного провала переговоров по глобальному договору о борьбе с пластиковым загрязнением в Женеве в августе 2025 года; и, наконец, принятия Пандемического соглашения Всемирной организации здравоохранения — договора, который был принят своеобразным «гибридным» способом, сочетающим голосование и последующий консенсус. Я убеждён, что именно на подобных живых, недавних кейсах, а не на хрестоматийных примерах полувековой давности, сегодня можно наиболее убедительно показать, в чём именно заключается кризис классической договорной модели и какие пути его преодоления представляются реалистичными.

Прежде чем перейти к постатейному анализу договорного процесса, необходимо, на мой взгляд, сперва разобраться с самим понятием многостороннего международного договора — поскольку именно от того, как мы его определяем, зависит, какие требования мы предъявляем к каждой последующей стадии его заключения.

1. Многосторонний международный договор как правовая категория: от классического определения к современной сложности

Согласно статье 2(1)(а) Венской конвенции 1969 года, договор означает международное соглашение, заключённое между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования [2]. Данное определение, как справедливо отмечает Э. Аустин в своём фундаментальном труде «Modern Treaty Law and Practice», сознательно было сформулировано максимально широко и формально, чтобы охватить любые возможные конфигурации межгосударственных соглашений [16]. Именно эта формальная широта определения, на мой взгляд, стала одновременно и его силой, и его слабостью: она позволяет отнести к «договорам» и двустороннее соглашение о делимитации границы, и многостороннюю конвенцию со ста девяноста участниками — но при этом

определение никак не отражает того качественного скачка в сложности, который происходит при переходе от двусторонней к многосторонней договорной модели.

О. Дёрр и К. Шмаленбах в своём авторитетном постатейном комментарии к Венской конвенции справедливо указывают, что многосторонний договор принципиально отличается от двустороннего не количественно, а качественно: если в двустороннем договоре согласование воли сторон представляет собой относительно линейный процесс, то в многостороннем договоре возникает то, что теория коллективных действий называет проблемой координации множества интересов, зачастую противоречащих друг другу [17]. Я полностью разделяю эту позицию и хотел бы развить её следующим образом: чем больше число потенциальных участников договора, тем выше вероятность того, что среди них найдётся государство (или коалиция государств), чьи интересы прямо противоположны интересам большинства — и именно это обстоятельство, как будет показано далее, лежит в основе кризиса консенсусной модели принятия решений.

И. Синклер в своём классическом исследовании Венской конвенции также подчёркивает, что универсальность формулировки статьи 2(1)(а) была осознанным выбором составителей, стремившихся создать определение, применимое равным образом к двустороннему протоколу и к многосторонней конвенции универсального характера [19]. Ещё раньше, до принятия самой Венской конвенции, А. Макнейр в своём фундаментальном труде «The Law of Treaties» заложил доктринальные основы разграничения договоров-контрактов (*traité-contrat*) и договоров-законов (*traité-loi*) — различия, которое, как я полагаю, помогает объяснить, почему именно многосторонние нормоустанавливающие договоры (*traité-loi*) сегодня сталкиваются с наибольшими трудностями на стадии согласования: в отличие от договора-контракта, где интересы сторон, как правило, взаимодополняемы, договор-закон по своей природе требует согласования принципиально разнонаправленных интересов широкого круга участников [31].

Д.Б. Холлис в предисловии к своему «Оксфордскому руководству по договорам» ставит принципиальный вопрос: почему государства вообще выбирают многостороннюю, а не двустороннюю или сетевую (совокупность параллельных двусторонних) форму регулирования [38]. Отвечая на этот вопрос, он указывает на то, что многосторонний формат позволяет создать единый, универсальный правовой режим там, где предмет регулирования (морская среда, климат, эпидемиологическая безопасность) объективно не признаёт государственных границ. С этим наблюдением трудно не согласиться, однако я хотел бы добавить одно уточнение, важное для дальнейшего изложения: универсальность предмета регулирования вовсе не гарантирует универсальности политической воли к его регулированию — и именно в этом разрыве, как я покажу на примере переговоров по пластиковому загрязнению, коренится значительная часть современных проблем.

Отечественная и российская доктрина предлагает несколько отличающийся, хотя и не противоречащий приведённому выше, взгляд на природу многостороннего договора. А.Х. Саидов в своём учебнике по международному публичному праву характеризует многосторонний договор как инструмент кодификации и прогрессивного развития международного права,

подчёркивая его нормотворческую, а не только регулятивную функцию [45]. И.И. Лукашук в фундаментальном труде «Право международных договоров» идёт ещё дальше, указывая, что многосторонний договор универсального характера сегодня фактически выполняет функцию, аналогичную функции закона во внутригосударственном праве — то есть создаёт объективное право, обязательное для широкого круга субъектов независимо от индивидуального согласия каждого из них в момент нормотворчества [47]. Г.И. Тункин, один из основоположников советской доктрины согласования воли государств, ещё в своей «Теории международного права» указывал на особую роль согласованной, а не навязанной нормы в международном правотворчестве — и, как мне представляется, именно из этой традиции вырос современный принцип консенсуса, о кризисе которого пойдёт речь в третьей главе настоящей статьи [49].

Прежде чем переходить к анализу отдельных стадий заключения многостороннего договора, я хотел бы предложить рабочую методологическую рамку, которой буду придерживаться на протяжении всей статьи. Многосторонний договор, вопреки распространённому упрощённому представлению, не является единовременным актом — это протяжённый во времени, многостадийный процесс, включающий как минимум следующие этапы: (1) формирование переговорного мандата; (2) согласование и принятие текста договора; (3) аутентификацию и открытие для подписания; (4) ратификацию (либо иную форму выражения согласия на обязательность) и вступление договора в силу; (5) формулирование оговорок и возражений против них. Именно эта пятизвенная структура и определит архитектуру последующего изложения: я последовательно пройду по каждой из названных стадий, показывая на каждой из них — в развитии, а не изолированно — конкретную современную проблему, реальный дипломатический пример и собственное предложение по её преодолению.

2. Формирование переговорного мандата: институциональная база и первые точки напряжённости

Переход от общего понятия многостороннего договора к его практическому заключению логично начать с той стадии, которая в доктрине традиционно остаётся в тени, — формирования переговорного мандата. Именно здесь, задолго до того, как делегации сядут за стол переговоров по существу, закладывается институциональная архитектура всего последующего процесса, и, как я постараюсь показать, именно на этой стадии зачастую возникают первые, ещё не всегда заметные изъяны, дефекты.

Классическая, «золотая» модель формирования мандата на многосторонние переговоры связана с деятельностью Комиссии международного права ООН (КМП). Как показывают материалы Ежегодников Комиссии, а также подготовленные ею проекты статей с комментариями, работа над кодификацией той или иной области международного права традиционно занимала годы, а порой и десятилетия тщательной, поэтапной проработки — от предварительного исследования темы Специальным докладчиком, через первое и второе чтения проекта статей, до окончательной передачи согласованного текста государствам для заключения конвенции [5, 6, 7]. Данная модель, при всей своей медлительности, обеспечивала высочайшее качество юридической проработки текста и, что немаловажно,

определённую отстранённость от сиюминутной политической конъюнктуры.

Однако современная практика во всё большей степени отходит от этой модели в пользу так называемых межправительственных переговорных комитетов (Intergovernmental Negotiating Committee, INC), создаваемых не Комиссией международного права, а непосредственно политическим решением — резолюцией пленарного органа той или иной международной организации. Наиболее показательным примером здесь служит история переговоров по глобальному договору о борьбе с пластиковым загрязнением. Ассамблея ООН по окружающей среде своей резолюцией 5/14 в 2022 году поручила специально созданному Межправительственному переговорному комитету разработать юридически обязательный документ по проблеме пластикового загрязнения, установив ориентировочный график из пяти переговорных сессий с завершением работы к концу 2024 года. К моменту написания настоящей статьи состоялось уже шесть раундов переговоров (INC-1 в Уругвае в ноябре 2022 года, INC-2 в Париже в 2023 году, INC-3, INC-4, а также две части INC-5 — в Пусане в конце 2024 года и в Женеве в августе 2025 года), однако согласованный текст договора так и не был принят [61].

Я полагаю, что данный кейс наглядно демонстрирует дефект, зарождающийся именно на стадии формирования мандата, а вовсе не на более поздних стадиях переговоров по существу. Мандат Ассамблеи ООН по окружающей среде установил политически привлекательный, но юридически необеспеченный график («завершить работу к концу 2024 года»), не предусмотрев при этом ни одного механизма, обеспечивающего исполнение данного графика: ни автоматического перехода к упрощённой процедуре голосования при недостижении согласия к установленному сроку, ни институциональных последствий срыва графика для председательствующего органа или отдельных делегаций. В результате изначально политически амбициозный график попросту утратил свою обязывающую силу, а переговоры продолжаются уже четвёртый год без определённого горизонта завершения. Показательно и то, что уже на самой первой сессии — задолго до обсуждения содержательных вопросов — делегации потратили значительное время на согласование правил процедуры, причём именно правило о голосовании (пункт 37 проекта правил процедуры, касающийся права голоса, и пункт 38, касающийся порядка принятия решений) осталось несогласованным на протяжении всех последующих сессий, будучи заключено в квадратные скобки как временно неурегулированное [61]. Иными словами, институциональная неопределённость на стадии формирования мандата — включая неопределённость относительно самого механизма принятия решений — предопределила, на мой взгляд, значительную часть последующих содержательных неудач.

Отсюда вытекает первое авторское предложение, которое я хотел бы сформулировать уже на этой, начальной стадии анализа: мандат на проведение многосторонних переговоров, устанавливаемый резолюцией политического органа международной организации, должен в обязательном порядке включать не только содержательные и временные параметры будущего договора, но и заранее согласованный, юридически определённый механизм принятия решений на случай недостижения консенсуса к установленному сроку — будь то автоматический переход к квалифицированному большинству, предусмотренному, как

будет показано в следующей главе, самой Венской конвенцией, либо иной заранее оговорённый порядок разрешения тупиковой ситуации. Отсутствие подобного механизма превращает установленный график в необязывающую декларацию о намерениях, что мы и наблюдаем на примере переговоров по пластиковому загрязнению.

Определив мандат и институциональную рамку переговоров, участники многостороннего процесса переходят к следующей, центральной стадии — собственно согласованию и принятию текста договора. Именно на этой стадии, как я покажу далее, кризис классической договорной модели проявляется наиболее остро.

3. Правило консенсуса против правила большинства: центральный кризис современного договорного процесса

Стадия согласования и принятия текста договора традиционно строится вокруг понятия консенсуса — принципа, который сам по себе не закреплён в качестве универсального требования ни в Уставе ООН [1], ни, что особенно важно подчеркнуть, в самой Венской конвенции 1969 года. Напротив, статья 9 Венской конвенции устанавливает достаточно чёткое правило: принятие текста договора на международной конференции производится по решению большинства в две трети участников, присутствующих и участвующих в голосовании, если только тем же большинством не будет решено применить иное правило [2]. Иными словами, составители Венской конвенции 1969 года изначально закладывали в договорный процесс не консенсус, а квалифицированное большинство в качестве нормативной модели по умолчанию, оставляя консенсус лишь опциональным исключением.

М.Э. Виллигер в своём постатейном комментарии к Конвенции 1969 года справедливо отмечает, что данное правило было компромиссом, отражавшим опасения государств, составлявших меньшинство на дипломатических конференциях (прежде всего — постоянных членов Совета Безопасности и иных влиятельных держав), оказаться связанными решением большинства без реальной возможности заблокировать невыгодный для себя текст [18]. Тем не менее, как показывает практика последних десятилетий, инструмент, задуманный как компромиссное исключение, на практике стал доминирующей нормой: подавляющее большинство современных многосторонних переговорных процессов с самого начала устанавливают консенсус в качестве единственно допустимого способа принятия решений по существу, отводя голосованию в две трети (предусмотренному Венской конвенцией) роль крайней, практически не используемой меры.

Именно это обстоятельство и составляет, по моему глубокому убеждению, центральный структурный кризис современного договорного процесса, и продемонстрировать его удобнее всего на уже упоминавшемся примере переговоров по глобальному договору о пластиковом загрязнении. Как отмечалось выше, вопрос о голосовании (пункт 37 и пункт 38 проекта правил процедуры) оставался несогласованным на протяжении всех сессий INC. Государства так называемой «группы единомышленников», в число которых, по данным наблюдателей, входили Россия, Саудовская Аравия, Индия, Китай и ряд иных государств-производителей нефти и нефтехимической продукции, последовательно настаивали на исключительно консенсусной процедуре принятия решений, фактически

превращая консенсус в право вето для любого отдельно взятого государства [61]. Итогом десятой по счёту переговорной сессии (INC-5.2), состоявшейся в Женеве в августе 2025 года, стало то, что по завершении десяти дней интенсивных переговоров с участием делегаций из ста восьмидесяти четырёх государств согласованный текст договора так и не был принят, а сама сессия завершилась без установления конкретной даты возобновления переговоров [61].

Я полагаю необходимым остановиться на этом кейсе несколько подробнее, поскольку он, на мой взгляд, вскрывает не частный дипломатический сбой, а глубинную концептуальную проблему самого понятия консенсуса. Изначально, как справедливо указывает Дж. Клаббертс в работе, посвящённой эволюции многостороннего договорного нормотворчества, консенсус возникал в практике международных конференций (в частности, на III Конференции ООН по морскому праву) как процедурный приём, позволяющий принять текст без формального голосования там, где подавляющее большинство участников и без того были согласны с текстом, а формальное голосование лишь замедлило бы процесс и создало ненужную видимость раскола [59]. Иными словами, консенсус исторически задумывался как способ подтверждения уже фактически достигнутого согласия, а вовсе не как механизм предоставления права вето несогласному меньшинству. То, что мы наблюдаем сегодня в переговорах по пластиковому загрязнению, — это, по существу, инверсия первоначального смысла консенсуса: то, что было приёмом ускорения при фактическом согласии, превратилось в инструмент блокирования при фактическом несогласии. Я убеждён, что именно это концептуальное искажение, а не сама по себе сложность предмета регулирования, является подлинной причиной провала переговоров в Женеве.

Показательно, что противоположный, более удачный опыт того же самого периода — принятие Пандемического соглашения Всемирной организации здравоохранения — демонстрирует, на мой взгляд, реалистичный, хотя и не лишённый собственных проблем, выход из описанного тупика. После того как в мае 2024 года переговоры по проекту Пандемического соглашения не были завершены к очередной сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения, государства-члены не стали и далее настаивать на исключительно консенсусной процедуре: 19 мая 2025 года в профильном комитете Ассамблеи состоялось формальное голосование, по итогам которого сто двадцать четыре государства высказались за принятие текста Соглашения, ни одно государство не проголосовало против, а одиннадцать государств (включая Российскую Федерацию, Италию, Израиль, Иран и Польшу) воздержались; Соединённые Штаты в голосовании не участвовали. И только на следующий день, 20 мая 2025 года, состоялось формальное принятие уже фактически предreshённого голосованием текста пленарным заседанием Ассамблеи — по консенсусной процедуре, которая на данном этапе носила уже скорее символический, ратифицирующий фактически состоявшееся большинство, характер [62].

Данный двухступенчатый механизм — сперва процедурное голосование, устанавливающее реальное соотношение сил и лишаящее упорствующее меньшинство возможности выдавать своё несогласие за отсутствие консенсуса как таковое, а затем последующее формальное, по существу церемониальное,

консенсусное одобрение уже предрешённого текста — представляется мне не случайной дипломатической находкой, а вполне обобщаемой моделью, достойной закрепления в правилах процедуры будущих переговорных органов. Я хотел бы предложить закрепление именно такой двухступенчатой процедуры в качестве стандартного элемента правил процедуры международных переговорных комитетов: правила процедуры должны с самого начала переговорного процесса (а не в разгар кризиса, как это происходило в Женеве) предусматривать, что при недостижении консенсуса к определённом, заранее установленному моменту переговоров любая делегация или группа делегаций вправе инициировать процедурное голосование по смыслу статьи 9(2) Венской конвенции, результаты которого рассматриваются как основа для последующего, уже не подлежащего пересмотру по существу консенсусного одобрения текста. Такая модель, на мой взгляд, сохраняет психологическую и дипломатическую ценность консенсуса (принятие текста без формального раскола голосов) при одновременном устранении его наиболее разрушительного побочного эффекта — превращения в инструмент абсолютного вето меньшинства.

Показательно и то, что данная проблема осознаётся не только на уровне отдельных переговорных процессов, но и в доктрине. А. Аустин в своём практическом руководстве по ведению договорных переговоров прямо указывает, что современная дипломатическая практика выработала целый ряд «мягких» инструментов преодоления консенсусных тупиков — от «текста председателя» (Chair's Text), формально не имеющего статуса официального проекта, но фактически задающего рамку дальнейшего обсуждения, до неформальных консультаций в узком составе (informal-informals) [55]. Именно таким инструментом — «текстом председателя» — воспользовался Председатель переговорного комитета по пластиковому загрязнению, представив в ходе женевской сессии сперва проект, а затем пересмотренный проект текста договора, ни один из которых, однако, так и не получил достаточной поддержки [61]. Я хотел бы обратить внимание на важный, но редко обсуждаемый в доктрине аспект данной практики: единоличное право председателя — лица, формально не являющегося представителем какого-либо государства, — определять содержание рамочного документа, вокруг которого выстраивается вся дальнейшая дискуссия, представляет собой, по моему мнению, недостаточно теоретически осмысленный вопрос легитимности. Если решающее большинство государств так и не поддержало ни первоначальный, ни пересмотренный текст председателя, возникает закономерный вопрос: не является ли сама практика единоличного «текста председателя» дополнительным, институционально не урегулированным источником затягивания переговорного процесса, подменяющим постепенное согласование позиций государств волей одного, пусть и наделённого определённым мандатом, лица? Полагаю, что данный вопрос заслуживает отдельного, более глубокого изучения, выходящего за рамки настоящей статьи, однако считаю необходимым обозначить его уже здесь.

М. Фицморис в исследовании, посвящённом практическому функционированию права международных договоров, также обращает внимание на то, что современные многосторонние переговоры всё чаще сталкиваются с проблемой так называемых «пакетных решений» (package deals), при которых согласие по одним, менее спорным, положениям текста используется как рычаг давления в

переговорах по другим, более спорным, вопросам [57]. Данное наблюдение представляется мне особенно точным применительно к переговорам по пластиковому загрязнению, где государства так и не смогли договориться о том, должен ли будущий договор ограничивать производство первичных пластиковых полимеров (наиболее спорный, «пакетный» вопрос) или же ограничиться регулированием исключительно обращения с отходами (компромиссная, но, по мнению значительной части государств, недостаточная альтернатива).

Разобрав центральный кризис консенсусной модели, логично перейти к следующей по порядку, хотя и менее заметной извне, стадии договорного процесса — аутентификации согласованного текста и его открытию для подписания. Именно на этой стадии, как я покажу далее, современная многосторонняя дипломатия сталкивается с проблемами иного, лингвистического и технико-юридического, характера.

4. Аутентификация текста и открытие для подписания: недооценённая проблема многоязычия

Если предыдущая стадия связана с политическим согласованием воли государств, то стадия аутентификации текста договора — то есть официального установления того, что определённый текст является окончательным и подлинным, — носит, на первый взгляд, сугубо технический характер. Между тем именно здесь, на мой взгляд, скрывается ещё одна недостаточно теоретически осмысленная современная проблема — проблема множественности аутентичных текстов на разных языках.

Статья 33 Венской конвенции устанавливает, что в случае аутентификации текста договора на двух и более языках этот текст на каждом языке имеет одинаковую силу, если договором не предусмотрено иное, при этом презюмируется, что термины договора имеют одинаковое значение в каждом аутентичном тексте [2]. Р. Гардинер в своём фундаментальном труде по толкованию международных договоров подробно анализирует практические сложности, возникающие при расхождении формулировок в различных аутентичных текстах одного и того же многостороннего договора, и справедливо отмечает, что подобные расхождения — отнюдь не гипотетическая, а вполне реальная проблема, регулярно возникающая при толковании многосторонних конвенций Организации Объединённых Наций, официальными языками которой являются шесть — английский, французский, испанский, русский, китайский и арабский [20]. О. Дёрр и К. Шмаленбах в своём комментарии к статье 33 Венской конвенции добавляют, что при подготовке многоязычных аутентичных текстов современных многосторонних договоров — таких, например, как принятое в 2023 году Соглашение BBNJ, — согласование юридико-технической терминологии между шестью официальными языками ООН представляет собой самостоятельную, трудоёмкую и зачастую политически чувствительную задачу, поскольку неточный перевод отдельного термина способен впоследствии повлиять на толкование существенных обязательств сторон [17].

Я хотел бы добавить к сказанному следующее собственное наблюдение. Современные многосторонние договоры — в отличие от классических двусторонних соглашений или даже многосторонних конвенций первой половины XX века — всё чаще содержат узкоспециализированную научно-техническую

терминологию (в области морской биологии, эпидемиологии, климатологии), эквивалентный перевод которой на все официальные языки представляет собой задачу отнюдь не меньшей сложности, чем согласование самого политического компромисса. При этом, как показывает практика, юридико-лингвистическая проработка многоязычных аутентичных текстов зачастую производится Секретариатом соответствующей организации уже после политического согласования текста, в сжатые сроки и без надлежащего участия делегаций, непосредственно ведущих переговоры по существу. Полагаю, что данная практика создаёт риск, недостаточно осознаваемый государствами в момент политического триумфа от достижения договорённости: расхождения, обнаруживаемые уже после подписания или даже вступления договора в силу, неизбежно порождают споры о толковании, разрешение которых — в силу отсутствия во многих современных многосторонних договорах обязательной юрисдикции какого-либо международного суда — становится практически невозможным.

В связи с этим я хотел бы сформулировать следующее предложение: юридико-лингвистическая экспертиза многоязычного аутентичного текста многостороннего договора должна проводиться не после, а параллельно с политическим согласованием содержания договора, при обязательном участии представителей делегаций — носителей соответствующих официальных языков — на завершающей стадии переговорного процесса, а не исключительно силами технического аппарата секретариата.

Стадия аутентификации логически подводит нас к следующему, во многих отношениях наиболее продолжительному по времени, этапу договорного процесса — ратификации и вступлению договора в силу. Именно здесь, как я покажу далее, кроется, пожалуй, наименее заметная широкой публике, но, по моему убеждению, ничуть не менее серьёзная проблема современного договорного права — проблема так называемых «спящих» договоров.

5. Ратификация и вступление в силу: проблема «спящих» договоров

Согласие государства на обязательность для него многостороннего договора, как известно, может быть выражено путём подписания, ратификации, принятия, утверждения или присоединения — перечень способов, закреплённый в статьях 11–15 Венской конвенции [2]. Практическое руководство ООН по договорной практике, а также сама структура Сборника договоров ООН (United Nations Treaty Collection) исходят из того, что заключительным, завершающим формальную сторону договорного процесса действием является регистрация вступившего в силу договора в Секретариате ООН согласно статье 102 Устава ООН — процедура, которая, при всей своей технической природе, обеспечивает транспарентность и доступность многосторонних договорных обязательств для международного сообщества в целом [8, 9]. Между тем сама по себе ратификация представляет собой лишь необходимое, но не достаточное условие вступления многостороннего договора в силу: подавляющее большинство современных многосторонних договоров содержат специальное положение, откладывающее вступление договора в силу до достижения определённого, заранее установленного количества ратификаций.

Именно эта, казалось бы, техническая деталь и порождает, на мой взгляд, одну из наиболее хронических проблем современного многостороннего договорного права — существенный, порой многолетний разрыв между политическим триумфом принятия и подписания текста договора и его действительным юридическим вступлением в силу. Наиболее показательным примером здесь вновь служит уже упоминавшееся Соглашение BBNJ. Текст Соглашения был окончательно согласован в марте и официально принят консенсусом 19 июня 2023 года; торжественная церемония открытия для подписания состоялась в сентябре 2023 года, собрав рекордное для подобных документов число подписей — сто сорок пять государств в первый же день. Однако для вступления Соглашения в силу требовалось шестьдесят ратификаций, и этот порог был достигнут лишь 19 сентября 2025 года — то есть спустя два года после подписания и почти двадцать лет после начала переговорного процесса в целом; само же вступление в силу состоялось 17 января 2026 года — спустя сто двадцать дней после шестидесятой ратификации, как это предусмотрено самим текстом Соглашения [60].

Я полагаю необходимым обратить особое внимание на приведённое выше соотношение цифр: сто сорок пять государств подписали Соглашение практически сразу, однако для достижения порога в шестьдесят ратификаций потребовалось два года. Данный разрыв, по моему убеждению, отражает не столько содержательные разногласия государств по существу Соглашения (поскольку подписание уже свидетельствует о принципиальном одобрении текста), сколько institutional и процедурный разрыв между международно-правовой готовностью государства связать себя договором и его внутригосударственной способностью данную готовность юридически оформить. М.Э. Виллигер в своём комментарии к статьям 14 и 16 Венской конвенции отмечает, что процедура ратификации исторически задумывалась именно как гарантия того, что международное обязательство государства пройдёт надлежащую внутригосударственную конституционную проверку — участие парламента, а в ряде правовых систем и специальные процедуры имплементации во внутреннее право [18]. Однако современная практика показывает, что для многих государств, в особенности развивающихся, данная внутригосударственная процедура представляет собой не столько содержательную, сколько ресурсную проблему: ограниченность юридического и дипломатического аппарата, необходимого для подготовки ратификационной документации по каждому из десятков параллельно заключаемых многосторонних договоров, приводит к образованию своеобразной «очереди» договоров, ожидающих внутригосударственного оформления годами.

В этом контексте представляет самостоятельный интерес национальная практика Республики Узбекистан. Закон Республики Узбекистан «О международных договорах Республики Узбекистан» устанавливает достаточно детализированную процедуру ратификации, включающую представление международного договора на рассмотрение Президента и Олий Мажлиса, а Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан прямо указывает на последовательное участие республики в универсальных многосторонних договорных режимах как на один из приоритетов внешней политики [12, 13]. Постановления и указы Президента Республики Узбекистан, а также практика Министерства иностранных дел по регистрации и заключению международных договоров [14, 15] показывают, что

национальная процедура ратификации, при всей своей формальной чёткости, так же, как и в большинстве государств мира, требует определённого времени на межведомственное согласование — что, на мой взгляд, лишь подтверждает универсальный, а не специфический для отдельных государств характер описанной выше проблемы «разрыва между подписанием и ратификацией».

С.Ю. Марочкин в исследовании, посвящённом действию международного права в правовой системе государства, справедливо отмечает, что эффективность имплементации международного договора во внутреннем праве государства напрямую зависит от своевременности и качества внутригосударственных процедур согласования — и что задержка ратификации, даже вызванная сугубо техническими, а не политическими причинами, объективно снижает эффективность многостороннего договорного режима в целом, поскольку разрозненное во времени вступление обязательств в силу для разных государств-участников создаёт временную асимметрию применения общих правил [54]. Я полностью разделяю этот вывод и хотел бы добавить к нему следующее практическое соображение: чем более крупным является само пороговое число ратификаций, устанавливаемое многосторонним договором для вступления в силу (шестьдесят — в случае Соглашения BBN] и, к слову, в своё время в случае Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, вступившей в силу лишь в 1994 году, спустя двенадцать лет после открытия для подписания), тем продолжительнее оказывается указанный выше период юридической неопределённости, в течение которого договор существует, что называется, «на бумаге», но ещё не порождает обязательных правовых последствий [63].

В связи с изложенным я хотел бы предложить два взаимодополняющих решения. Во-первых, современные многосторонние договоры должны активнее использовать институт временного применения, предусмотренный статьёй 25 Венской конвенции, согласно которой договор или часть договора применяются временно до вступления его в силу, если это предусмотрено самим договором либо государства, участвовавшие в переговорах, договорились об этом иным образом [2]. Временное применение позволяет устранить наиболее болезненные последствия описанного выше разрыва, не отменяя при этом необходимости полноценной ратификации. Во-вторых, полагаю целесообразным включение в текст крупных многосторонних договоров специального положения о технической и консультативной помощи государствам с ограниченными административными ресурсами именно на стадии подготовки ратификационной документации — по аналогии с уже существующими в ряде природоохранных конвенций механизмами финансового содействия развивающимся государствам-участникам.

Разобрав проблему временного разрыва между подписанием и вступлением договора в силу, необходимо в завершение обратиться к ещё одному институту, тесно связанному именно с многосторонней (а не двусторонней) договорной моделью и заслуживающему отдельного рассмотрения, — институту оговорок к многосторонним договорам.

6. Институт оговорок к многосторонним договорам: между универсальностью участия и фрагментацией содержания

Институт оговорок, урегулированный статьями 19–23 Венской конвенции, представляет собой, по признанию большинства исследователей, институт, специфический именно для многосторонних (в отличие от двусторонних) договоров: в двустороннем договоре оговорка одной стороны, по существу, равнозначна предложению пересмотреть текст договора в целом, тогда как в многостороннем договоре оговорка позволяет отдельному государству стать участником договора не в полном объёме его содержания, сохраняя при этом договорные отношения с государствами, не возражающими против такой оговорки [2]. Классическое, до сих пор сохраняющее свою актуальность обоснование данного института было дано Международным Судом ООН в консультативном заключении 1951 года по вопросу об оговорках к Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, где Суд сформулировал критерий совместимости оговорки с объектом и целью договора в качестве универсального стандарта её допустимости [64].

А. Пелле, выступавший в своё время Специальным докладчиком Комиссии международного права ООН именно по теме оговорок к международным договорам, в своём исследовании, посвящённом работе КМП над правом международных договоров, подробно анализирует эволюцию критерия «объекта и цели» договора от относительно абстрактного стандарта 1969 года к детализированному Руководству по практике в отношении оговорок к международным договорам, принятому Комиссией уже в XXI веке [41]. Г. Хафнер в специальном исследовании, посвящённом оговоркам к многосторонним договорам, справедливо указывает на то, что данный институт исторически создавался прежде всего применительно к договорам с относительно фиксированным, определённым в момент принятия текста, нормативным содержанием — таким, как упомянутая Конвенция о геноциде [44]. М.Э. Виллигер в отдельном исследовании об оговорках к многосторонним договорам дополняет данный вывод наблюдением о том, что классическая доктрина оговорок исходит из презумпции: весь текст договора, к которому формулируется оговорка, уже существует и является окончательным в момент такой оговорки [56].

Именно в этом пункте, как мне представляется, современная договорная практика ставит перед классической доктриной оговорок вопрос, который она — по крайней мере в её классическом виде — попросту не была рассчитана решать. Обращаясь вновь к примеру уже упоминавшегося Пандемического соглашения ВОЗ, необходимо отметить любопытную деталь: принятое 20 мая 2025 года Соглашение, строго говоря, не является полным по своему нормативному содержанию документом. Статья 12 Соглашения предусматривает необходимость последующей разработки и принятия отдельного приложения о доступе к патогенам и совместном пользовании выгодами (Pathogen Access and Benefit-Sharing, PABS); работа над данным приложением была прямо возложена на специально созданную Межправительственную рабочую группу и должна была продолжиться уже после формального принятия основного текста Соглашения, причём само Соглашение прямо указывает, что не может быть открыто для подписания государствами до принятия указанного приложения [62].

Я хотел бы предложить для описанной конструкции собственное рабочее обозначение — «договор с отложенным нормативным содержанием» — и обосновать, почему, на мой взгляд, данная конструкция заслуживает отдельного теоретического осмысления, выходящего за рамки классического института оговорок. Классическая логика оговорок предполагает, что государство, ознакомившись с полным и окончательным текстом многостороннего договора, вправе не согласиться с отдельными его положениями, сохранив при этом своё участие в договоре в остальной части. Однако в случае «договора с отложенным нормативным содержанием» государство оказывается в принципиально иной ситуации: оно голосует за принятие текста, часть существенного нормативного содержания которого (причём именно та часть, ради которой значительное число государств — прежде всего развивающихся — добивались заключения Соглашения в целом, а именно справедливый доступ к патогенам и связанным с ними благам) на момент голосования попросту не существует и будет согласована позднее, притом не в порядке классических договорных переговоров с участием всех государств-членов Всемирной ассамблеи здравоохранения, а в порядке работы специально уполномоченной рабочей группы. Одиннадцать государств, воздержавшихся при голосовании 19 мая 2025 года, в своих разъяснениях мотивов голосования прямо указывали на обеспокоенность именно неопределённостью содержания будущего приложения [62].

По моему убеждению, институт оговорок в его классическом виде не даёт удовлетворительного ответа на вопрос о правовом статусе государства применительно к «отложенной» части подобного соглашения: вправе ли государство, впоследствии не согласное с содержанием принятого приложения, сформулировать в отношении него оговорку по тем же правилам, что и в отношении основного текста, принятого несколькими годами ранее? Может ли отказ Межправительственной рабочей группы прийти к согласию по содержанию приложения повлечь за собой то, что уже принятое, но не введённое в действие основное Соглашение так и останется юридически «замороженным» на неопределённый срок? Ни Венская конвенция 1969 года, ни последующая доктрина оговорок, разрабатывавшаяся применительно к куда более простым договорным конструкциям прошлого века, не дают прямого ответа на данные вопросы. Полагаю, что современная кодификационная работа — в частности, в рамках Комиссии международного права ООН — должна обратиться к разработке специальных, дополняющих классический институт оговорок правил, применимых именно к «рамочным» многосторонним договорам с юридически обособленными, разрабатываемыми на последующих этапах приложениями, протоколами и техническими *régime*, — с тем чтобы государства, присоединяющиеся к подобным договорам, имели ясное представление о правовых последствиях недостижения согласия по отложенной части их содержания.

7. Роль международных организаций и вопрос институциональной легитимности договорного процесса

Проанализировав основные содержательные стадии заключения многостороннего договора, я хотел бы в завершение обратиться к сквозному, пронизывающему все рассмотренные выше стадии вопросу — институциональной роли международных организаций и их секретариатов в современном договорном

процессе, поскольку именно эта роль, на мой взгляд, остаётся наименее теоретически осмысленной, несмотря на её очевидную и постоянно возрастающую практическую значимость.

Как показывают все три рассмотренных выше кейса, ни один из них не мог бы состояться вне институциональных рамок соответствующей международной организации: переговоры по пластиковому загрязнению организационно обеспечивались Секретариатом Программы ООН по окружающей среде; работа над Пандемическим соглашением — Секретариатом Всемирной организации здравоохранения; согласование Соглашения BBNJ — структурами Организации Объединённых Наций, действующими на основании Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. К. Брельманн в исследовании об «институциональной завесе» в публичном международном праве убедительно показывает, что современные международные организации давно перестали быть нейтральными техническими площадками для государств-переговорщиков и превратились в самостоятельных, обладающих собственной институциональной волей акторов договорного процесса [42]. К. Чинкин, в свою очередь, в работе, посвящённой нормативному развитию международно-правовой системы, обращает внимание на то, что параллельное существование множества специализированных, институционально обособленных переговорных треков (при ООН по окружающей среде, при ВОЗ, в рамках морского права, в рамках региональных интеграционных объединений) объективно порождает риск фрагментации международного права — то есть возникновения не согласованных между собой, а порой и противоречащих друг другу режимов регулирования смежных вопросов [43]. О. Кортен и П. Кляйн в комментарии к Венским конвенциям также отмечают возрастающую роль институциональной практики секретариатов международных организаций в толковании и последующем применении многосторонних договоров, что, по их мнению, требует более систематического теоретического осмысления соотношения между волей государств-участников договора и институциональной практикой обслуживающей данный договор организации [40].

Я хотел бы связать данное наблюдение с уже описанным выше феноменом «текста председателя» в переговорах по пластиковому загрязнению и высказать следующее, более общее соображение. Современный многосторонний договорный процесс всё в большей степени зависит не только от воли государств-участников, но и от институционального аппарата — секретариата организации, председателя переговорного органа, экспертных консультативных групп, — который формально не обладает самостоятельной договорной правосубъектностью, однако фактически предопределяет рамки и динамику переговоров на протяжении зачастую многолетнего процесса. Данное наблюдение, полагаю, ставит перед доктриной международного права вопрос о необходимости выработки более чётких критериев процедурной легитимности институциональной роли в договорном процессе — в частности, критериев, определяющих пределы допустимой инициативы председателя переговорного органа при формулировании компромиссных текстов, а также механизмов подотчётности секретариата международной организации государствам-участникам переговорного процесса. Показательно в этом отношении и то обстоятельство, что вопрос о праве голоса региональных

интеграционных объединений (прежде всего Европейского союза) в рамках переговорных комитетов — вопрос, прямо связанный с более широкой проблематикой правосубъектности международных организаций в договорном праве, урегулированной отдельной Венской конвенцией 1986 года о договорах между государствами и международными организациями или между международными организациями [4], — оставался несогласованным на протяжении всех сессий переговоров по пластиковому загрязнению, что дополнительно подтверждает вывод о недостаточной теоретической и процедурной проработанности институциональных аспектов современного многостороннего договорного процесса.

Заключение

Проведённый анализ позволяет утверждать, что современный кризис заключения международных многосторонних договоров не сводится к какой-либо одной, локализованной проблеме, но пронизывает практически все стадии договорного процесса — от формирования переговорного мандата до вступления договора в силу и последующего формулирования оговорок. Рассмотренные в настоящей статье реальные дипломатические сюжеты 2023–2026 годов — провал переговоров по пластиковому загрязнению в Женеве, продолжительное, растянувшееся на два десятилетия согласование и ещё более длительное вступление в силу Соглашения BBNJ, а также гибридное, сочетающее голосование и последующий консенсус принятие Пандемического соглашения ВОЗ — убедительно, на мой взгляд, демонстрируют, что классическая модель Венской конвенции 1969 года сохраняет свою формальную нормативную силу, однако практика современной многосторонней дипломатии всё дальше отходит от заложенных в ней презумпций, прежде всего презумпции квалифицированного большинства как нормы по умолчанию и презумпции содержательной завершенности текста договора на момент его принятия.

Моя основная позиция, последовательно проведённая через все главы настоящей статьи, заключается в том, что дальнейшее совершенствование права и практики заключения многосторонних договоров должно идти не по пути отказа от консенсуса как такового (поскольку консенсус, как было показано, сохраняет важную психологическую и дипломатическую функцию легитимации итогового текста), а по пути институционального ограничения консенсуса заранее согласованными, юридически определёнными процедурными рамками — обязательными сроками, автоматическим переходом к голосованию, предусмотренному самой статьёй 9 Венской конвенции, чёткими правилами относительно полномочий председательствующих лиц и институциональной роли секретариатов, а также специальными нормами, регулирующими правовой статус «рамочных» договоров с отложенным нормативным содержанием.

Полагаю также, что рассмотренная в настоящей статье проблематика имеет самостоятельное значение и для внешнеполитической практики Республики Узбекистан, последовательно расширяющей своё участие в универсальных многосторонних договорных режимах: понимание описанных выше структурных проблем — консенсусного тупика, разрыва между подписанием и ратификацией, неопределённости «рамочных» договоров с отложенным содержанием — представляется необходимым условием для выработки

взвешенной, учитывающей реальную динамику современного договорного процесса национальной позиции по вопросам участия в новых многосторонних инициативах. Дальнейшее развитие затронутой в статье проблематики — в частности, вопроса институциональной легитимности роли председателей переговорных органов и секретариатов международных организаций — представляется мне перспективным направлением последующих исследований.

Список использованной литературы:

1. Устав Организации Объединённых Наций. Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.
2. Vienna Convention on the Law of Treaties. Vienna, 23 May 1969.
3. Vienna Convention on Succession of States in Respect of Treaties. Vienna, 1978.
4. Vienna Convention on the Law of Treaties between States and International Organizations or between International Organizations. Vienna, 1986.
5. Draft Articles on the Law of Treaties with Commentaries. International Law Commission, 1966.
6. Yearbook of the International Law Commission. Vols. I–II.
7. International Law Commission. Analytical Guide to the Work of the International Law Commission.
8. United Nations Treaty Handbook. United Nations, New York.
9. United Nations Treaty Collection (UNTC).
10. Repertory of Practice of United Nations Organs.
11. Конституция Республики Узбекистан.
12. Закон Республики Узбекистан «О международных договорах Республики Узбекистан».
13. Концепция внешнеполитической деятельности Республики Узбекистан.
14. Постановления и указы Президента Республики Узбекистан по вопросам заключения и исполнения международных договоров.
15. Практика Министерства иностранных дел Республики Узбекистан по регистрации и заключению международных договоров.
16. Aust A. Modern Treaty Law and Practice. 3rd ed. Cambridge University Press, 2013.
17. Dörr O., Schmalenbach K. (eds.). Vienna Convention on the Law of Treaties: A Commentary. 2nd ed. Springer, 2018.
18. Villiger M.E. Commentary on the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties. Martinus Nijhoff, 2009.
19. Sinclair I. The Vienna Convention on the Law of Treaties. 2nd ed. Manchester University Press.
20. Gardiner R. Treaty Interpretation. 2nd ed. Oxford University Press.
21. Klabbers J. International Law. Cambridge University Press.
22. Klabbers J. The Concept of Treaty in International Law.
23. Shaw M.N. International Law. 9th ed. Cambridge University Press.
24. Brownlie I. Principles of Public International Law.
25. Crawford J. Brownlie's Principles of Public International Law.
26. Dixon M. Textbook on International Law.
27. Evans M. (ed.). International Law.

28. Fitzmaurice M., Elias O., Merkouris P. Treaties in International Law.
29. Orakhelashvili A. The Interpretation of Acts and Rules in Public International Law.
30. Oppenheim L. International Law.
31. McNair A. The Law of Treaties.
32. Jennings R., Watts A. Oppenheim's International Law.
33. Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice.
34. Lauterpacht H. International Law.
35. Rosenne S. Practice and Methods of International Law.
36. Aust A. Handbook of International Law.
37. Shelton D. Advanced Introduction to International Law.
38. Hollis D.B. The Oxford Guide to Treaties.
39. Kolb R. The Law of Treaties.
40. Corten O., Klein P. The Vienna Conventions on the Law of Treaties.
41. Pellet A. The ILC Articles and Treaty Law.
42. Brölmann C. The Institutional Veil in Public International Law.
43. Chinkin C. Normative Development in the International Legal System.
44. Hafner G. Reservations to Multilateral Treaties.
45. Саидов А.Х. Международное публичное право.
46. Саидов А.Х. Международное право.
47. Лукашук И.И. Право международных договоров.
48. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть.
49. Тункин Г.И. Теория международного права.
50. Черниченко С.В. Теория международного права.
51. Игнатенко Г.В., Тиунов О.И. Международное право.
52. Бирюков П.Н. Международное право.
53. Карташкин В.А. Международное право.
54. Марочкин С.Ю. Действие международного права в правовой системе государства.
55. Aust A. Treaty Negotiation: A Practical Guide.
56. Villiger M.E. Reservations to Multilateral Treaties.
57. Fitzmaurice M. The Practical Working of the Law of Treaties.
58. Hollis D.B. Why States Conclude Multilateral Treaties.
59. Klabbers J. The Evolution of Multilateral Treaty-Making.
60. Agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity of Areas Beyond National Jurisdiction (BBNJ Agreement). New York, adopted 19 June 2023, entered into force 17 January 2026.
61. United Nations Environment Programme. Intergovernmental Negotiating Committee on Plastic Pollution, Fifth Session, Part Two (INC-5.2). Geneva, 5–15 August 2025.
62. World Health Assembly. WHO Pandemic Agreement, Resolution WHA78.1. Geneva, 20 May 2025.
63. United Nations Convention on the Law of the Sea. Montego Bay, 10 December 1982 (entered into force 16 November 1994).
64. Reservations to the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, Advisory Opinion, I.C.J. Reports 1951.